

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ

В.М. А в е р к о в *

Международное частное право (МЧП), начиная с XIII века, когда Аккурсий записал на полях кодекса Юстиниана свой хорошо известный комментарий к начальным словам его первой конституции “*cunctos populos quos clementiae nostrae regit imperium*”¹ (“все народы, управляемые властью нашей милости” — *лат.*), ставший отправной точкой в становлении МЧП, прошло длительный путь развития, его содержание расширилось и обогатилось. Однако, сущность МЧП, его функциональная основа остались неизменными, — устранение возможности проявления деструктивного характера коллизий или недопущения их возникновения между разноместными правопорядками, стремящимися к регулированию одного и того же гражданско-правового отношения, возникшего в международной жизни.

Своим существованием МЧП обязано наличию в каждом из государств-участников международного общения различий в материальном гражданском законодательстве этих государств. Лунц Л. А. заметил, что “если в области регулирования определенного вида отношений между законами отдельных стран нет различия, отпадает и необходимость в коллизионных нормах”². Здесь будет уместным заметить, что некоторые юристы-правоведы³ считают причиной возникновения коллизий наличие национальных правовых систем как таковых, не принимая во внимание даже факт существования в них одинаковых норм, согласованных путем заключения международного договора⁴. Эта позиция не представляется приемлемой. После заключения международного договора, унифицировавшего коллизионные, либо материальные нормы права, в государствах-участниках будут применяться абсолютно одинаковые нормы. Нет смысла в выборе компетентного правопорядка, поскольку решения в каждом из государств-участников будут приниматься на основе законов, совпадающих друг с другом текстуально, и будут, разумеется, идентичными друг другу. Именно для этого государства создавали унифицированные нормы права.

Международная унификация шла по пути создания единообразных коллизионных и материальных норм МЧП. Коллизионные нормы унифицировались и продолжают унифицироваться, в основном, на двусторонней основе в договорах о правовой помощи. “Унификация коллизионных норм — один из методов, с помощью которого государства осуществляют регулирование как имущественных, так и личных неимущественных отношений, осложненных ”иностраннм элементом”⁵. С помощью унифицированных коллизионных норм устраняется возможность возникновения “коллизии коллизий”, “хромающих отношений”.

Унифицированные коллизионные нормы явили собой идеальный

---

* Аспирант Московской государственной юридической академии.

безотказный механизм для определения национального правопорядка, компетентного в регулировании любого конкретного гражданско-правового отношения, возникшего в международной жизни, когда определение такого правопорядка необходимо. Однако в силу известных причин, унифицированного коллизионного регулирования было недостаточно и унификационное движение пошло по пути создания унифицированного материально-правового регулирования, получившего в настоящее время широкое распространение. Например, особо важное значение унификация материально-правового регулирования имеет в областях торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между государствами⁶. Посредством национальных материально-правовых и унифицированных материально-правовых норм МЧП осуществляется непосредственное регулирование гражданско-правовых отношений возникающих в международной жизни. И в этом заключается не только основное их отличие от национальных коллизионных и унифицированных коллизионных норм МЧП, но и исключительная ценность в правовом обеспечении социально-экономического, научно-технического и т. п. взаимодействия между государствами.

Таким образом, решение задач МЧП по бесконфликтному регулированию гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом может быть достигнуто двумя способами: путем международной унификации (а) коллизионных правовых норм и (б) материальных правовых норм. Оба способа применяются государствами параллельно друг другу или одновременно, поскольку они не исключают, но дополняют друг друга.

Само слово “унификация” произошло от латинских “unio” (единство) и “facere” (делать)⁷, что означает приведение к единой системе, к единой норме, к единообразию.

Среди юристов-правоведов нет единого мнения о том, что есть унификация, но нет расхождений в определении сути явления, например, Лунц Л. А. ограничивает сферу унификации устранением различий материального гражданского законодательства различных государств⁸. Другой исследователь, — Маковский А. П., отводя унификации значительно более широкую сферу, полагает, что это есть “создание в праве разных государств единообразных по содержанию норм, путем использования международно-правовых средств и влияния разных правовых систем друг на друга”⁹. Не трудно заметить, что в этих и других определениях международной унификации общим является указание на достигаемый в процессе унификации результат, — создаются новые, единообразные нормы права, благодаря которым становится возможным бесконфликтное регулирование гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Т. е., так или иначе, унификация являет собой правотворческий процесс, происходящий на межгосударственном и национальном уровнях. В последнем случае унификация, т. е. разработка единообразных норм права, происходит так же на межгосударственном уровне, но достижение конечного результата в значительной степени ставится в зависимость от воли каждого конкретного государства на создание в национальном законодательстве

норм права, идентичных нормам, разработанным на межгосударственном уровне. Учитывая это и иные обстоятельства, представляется, что унификация — это процесс создания и санкционирования единообразных правил поведения, происходящий на межгосударственном и национальном уровнях в правовых рамках, установленных международными и национальными нормами права.

Унификация имеет чрезвычайное значение и ценность потому, что в ходе ее осуществления происходит согласование воли государств относительно конкретных моделей правового регулирования. В результате этого, после введения унифицированных норм во внутригосударственную сферу, в этих государствах применяются идентичные правовые нормы. Следовательно, устраняется сама возможность возникновения коллизий между правовыми актами этих государств, если речь идет об унификации материальных норм, или предотвращается возможность возникновения “коллизии коллизий”, “хромающих отношений” и т. п., если речь идет об унификации коллизионных норм.

Процесс унификации правовых норм можно разделить на два крупных этапа: (а) заключение международного договора и (б) инкорпорация норм международного договора в национальные правовые системы, либо использование определенного национального правового механизма для применения унифицированных норм без их инкорпорации во внутреннее законодательство. В последнем случае нормы международного договора не имеют прямого действия наравне с законодательными актами соответствующего государства. Их применение опосредуется национальными нормами права.

Вопросы заключения международных договоров регулируются нормами международного права. Процесс заключения таких договоров проходит две стадии: (а) определение государствами содержания норм и (б) признание государствами разработанных норм в качестве юридически обязательных. На обеих стадиях происходит согласование воли государств. Воля каждого государства обуславливается определенными интересами такого государства, его целями. В специальной юридической литературе, в связи с процессом создания норм международного права, выделяется четыре группы целей государств:

“1) Классовые, конечные, высшие цели данного государства. Эти цели обуславливаются основами соответствующего социального строя, непосредственно его отражают, затрагивают основы существования государства. 2) Цели, вытекающие из потребностей глобального развития и интересов мирового сообщества. 3) Цели, отражающие особые, специфические интересы государства. Эти цели связаны с уровнем экономического развития, географическим положением, особенностями исторического развития. 4) Частные, конкретные цели, связанные с множеством действий, осуществляемых на международной арене в ходе повседневного проведения внешней политики”¹⁰.

Все вышеуказанные цели определяют внешнюю политику государств, частью которой является интересующая нас, в свете тематики настоящей работы, международно-правовая позиция каждого конкретного государства.

Международно-правовая позиция государств не является консервативным монолитом, стоящим на пути международной унификации права. Хотя, конечно, при решении некоторых правовых вопросов государства могут оказаться по разные стороны баррикад и не достичь согласия. Это зависит от того, какими целями руководствовались государства и решения каких задач они стремились достичь при осуществлении унификации конкретных правовых норм.

Взглянем на вышеприведенную классификацию целей государств при создании согласованных норм международного права. Первая, третья и четвертая группы целей, выделенных Пунжиным С. М. обусловлены внутригосударственными интересами. Вторая группа обусловлена трансгосударственными интересами. Ранее первая, третья и четвертая группы целей имели исключительно эгоистический характер. В силу чего они являлись фактором, препятствующим международной унификации права. В современный период времени, когда усиливаются взаимозависимость и взаимовлияние друг на друга государств-участников международного общения и когда государства стремятся решать согласованно многие частные и конкретные задачи, сдерживающее влияние этих групп целей, сглаживается, но, все же, не снимается совсем. Основным препятствием этому служат цели государств, обусловленные уровнем экономического развития, географическим положением и особенностями исторического развития. Например, "едва ли будет возможно достигнуть соглашения между странами, применяющими общее право (*common law*),... и странами гражданского права. Этому препятствует то простое обстоятельство, что первая группа стран возражает против кодификации"¹¹. Не говоря уже о странах Африки, дальнего Востока и Мадагаскара, в которых не признают за правом регулятивную функцию и относятся к нему "с презрением и неуважением"¹². В первом случае мы имеем дело с противоположными, а зачастую и противоречивыми положениями законодательств стран, относящихся к различным правовым семьям. А во втором — с различным пониманием права как такового. Очевидно, эти и некоторые другие факты привели Сталева Ж. к мысли, что "всеохватывающая международная унификация регулирования внешнехозяйственных отношений в мировом масштабе все еще представляется далекой химерой"¹³.

Что касается второй группы целей государств, то она всегда выражала и продолжает выражать необходимость гармонизации внутригосударственных интересов, с трансгосударственными, поскольку невозможно достичь решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, без согласования государствами своих противоположных, противоречивых интересов.

В процессе создания норм международного права происходит согласование воль государств, не являющихся идентичными друг другу. В этом и нет необходимости. Важно, что достигается согласование воль государств в отношении содержания определенных правил поведения и признания таковых юридически обязательными для государств-участников. В этом состоит одно из основных отличий норм международного права от норм внутреннего национального права. Последние являют

собой продукт изъяснения одной (единой) воли, а не результат согласования различных волей. Однако в результате согласованной нормой права фиксируется единая воля ряда государств. Данное положение в основном не вызывает разногласий и принимается многими юристами-международниками. Учитывая данное обстоятельство, международное право еще называют “право-соглашение”... или точнее “compactum inter gentes”¹⁴.

Согласованные правила поведения, тем не менее, не станут нормами международного права до тех пор, пока они не будут признаны государствами-участниками юридически обязательными, что возможно на условиях взаимности. Взаимность, являясь существенным моментом в процессе создания норм международного права, становится и важнейшей их функциональной характеристикой.

Унификация, как правило, это длительный процесс, занимающий очень много времени. Так, рабочая группа по разработке в рамках УНИДРУА свода унифицированных правил по международному лизингу была создана в 1974 году. И только в 1988 году была принята Конвенция о международном финансовом лизинге. Положения Конвенции ООН по морскому праву разрабатывались в течение десятилетия. Такая длительность отчасти обусловлена различиями и противоречиями целей государств, к достижению которых они стремятся при конкретных фактических обстоятельствах. А поскольку в данном случае рассматриваются унифицированные нормы, которые, чтобы стать нормами действующего международного частного права, после унификации должны быть инкорпорированы в национальные законодательства государств-участников, если такая инкорпорация необходима, то влияние сугубо национальных, индивидуальных целей государств приобретает серьезное значение, в отличие от норм международного права, которые предназначены для регулирования исключительно межгосударственных отношений.

Другой причиной растянутости унификационного процесса является объективная сложность (а) в выработке единообразных норм, если стоит задача сформулировать новое правило, объединяющее различающиеся национальные нормы, или (б) в выборе между расходящимися национальными нормами, когда необходимо найти из нескольких правил одно, наиболее подходящее.

Менее важной¹⁵, но без сомнения существенной проблемой, возникающей как при унификации, так и при применении единообразных норм, является наличие в национальных правовых системах как неодинаковой терминологии, так и идентичной терминологии, но имеющей различающуюся смысловую нагрузку.

Как показывает практика, сравнимые по своей сложности с вышеупомянутыми возникают проблемы и на стадии применения унификационных соглашений государствами и их последующего введения в национальное законодательство¹⁶.

Наиболее доминирующим и широко распространенным подходом в разрешении многих теоретических вопросов, возникающих на стадии введения норм международных договоров в национальное законодатель-

ство, является теория “трансформации”. Однако, положение данной теории о том, что нормы международного договора трансформируются в нормы внутреннего национального законодательства и при этом сам международный договор продолжает действовать в сфере международного права, а трансформированные нормы становятся частью национального законодательства, может быть подвергнуто критическому анализу.

Надо полагать, что используемая в науке терминология должна адекватно отражать характеризуемое ею явление. Само слово “трансформация” произошло от позднелатинского “*transformatio*”, что означает “превращение”. Такую же смысловую нагрузку слово “трансформация” несет и в настоящее время, и используется это слово именно в данном смысле. Трансформация — превращение чего-нибудь во что-нибудь, преобразование¹⁷. Если следовать такому пониманию термина, то нормы международного договора посредством т. н. трансформационных норм должны превратиться в нормы иного порядка, — в нормы национального законодательства. И, как следствие этого, — международный договор должен потерять свою “международность” и стать включенным в национальную правовую систему, а также стать источником национального законодательства. Либо положения международного договора “ломают” национальное право и становятся его частью, при этом оставаясь и нормами международного права. Однако, международное право, по своей сути, является межгосударственным правом. Налицо очевидная невозможность такой трансформации. Международный договор, как продукт согласования воли независимых государств-участников, не может как таковой исчезнуть из сферы международного права в результате его превращения, по волеизъявлению одного из государств-участников, в национальный нормативный акт. Международное публичное право и национальное право имеют различное волевое содержание. Кроме того, международное право и национальное право являются различными системами права, которые не имеют по отношению друг к другу какого-либо верховенства. Как говорится в учебнике ГДР по международному праву: “...они скорее различные, но равнозначные формы осуществления государственного суверенитета”¹⁸. Вероятно, что термин “трансформация” не может быть признан подходящим для описания связи, существующей между международным и национальным правом.

Таким образом, очевидно, что нормы международного права не могут действовать во внутригосударственной сфере без какой-либо национальной процедуры, допускающей применение норм международного договора для регулирования правоотношений наравне с национальными нормативными актами.

Одновременно с этим, необходимо отметить, что нормы договора после прохождения вышеупомянутой национальной процедуры не исчезают и не уничтожаются¹⁹, а продолжают действовать все в той же сфере — в сфере международного права.

Поэтому воздействие международного права на национальные правовые системы осуществляется не путем трансформации международ-

но-правовых обязательств государства в акты национального права, как об этом в частности говорит Усенко Е. Т.²⁰, но во их исполнение принимаются такие акты, либо используются национальные нормы-санкции.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы о юридической природе национальной процедуры, позволяющей действовать нормам международного договора в сфере национального правового регулирования.

В законодательстве России (ст. 15 Конституции РФ, ст. 7 Гражданского кодекса РФ, ст. 5 ФЗ “О Международных договорах Российской Федерации” и др.) существуют правовые нормы, которые содержат, по существу, допущение общепризнанных принципов и норм международного права, а также норм международных договоров России к регулированию правоотношений наравне с нормами национального законодательства. Установленные законодателем данные нормы права представляют собой официальное разрешение, санкцию на применение норм международного права для внутригосударственного регулирования. Надо полагать, что термин “санкция” (от латинского “*sanctio*” — ненарушимое постановление) наиболее подходит для описания данного явления. Санкция — “... 1) утверждение высшей инстанцией какого-либо акта, придающее ему силу закона; 2) одобрение;...”²¹. Такое же лингвистическое понимание термина “санкция” содержится и в Словаре русского языка Ожегова С. И.

Нормы-санкции являются по своей сути отсылочными нормами. Санкционирование применения норм международного договора представляет собой процесс аналогичный тому, который происходит при применении права иностранных государств, допускаемого с помощью отсылочной нормы внутреннего национального права. В обоих случаях не создается каких-либо новых норм права, но используется национальная норма-санкция, разрешающая применение норм международного договора для внутригосударственного регулирования, без которой такое применение было бы абсолютно невозможным. Национальная норма-санкция опосредует применение международного договора и иностранного законодательства.

В этом смысле можно согласиться с Кузнецовым М. Н., который обосновывая свое несогласие с теорией “трансформации” заметил, что “по данной теории получается, что более родственные нормы (международного договора) необходимо предварительно трансформировать, а менее родственные или откровенно чуждые можно применять без трансформации”²².

В законе “О международных договорах Российской Федерации”²³ установлено, что положения официально опубликованных международных договоров России не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют непосредственно. Некоторые международные договоры могут действовать на территории России временно, т. е. до их вступления в силу для Российской Федерации²⁴. Кроме того, временное действие международного договора может быть продлено. В обоих случаях, международные договоры России становятся действующими

щими на территории России до того, как будут приняты соответствующие национальные внутригосударственные акты, опосредствующие их применение. Если следовать теории трансформации, то, основываясь на содержании вышеупомянутых положений можно сделать вывод, что в данных случаях трансформации не происходит, однако договоры могут использоваться для регулирования гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Указанные нормы не являются трансформационными. Это — нормы-санкции, опосредующие применение таких договоров на территории России.

Еще одним фактом, не укладывающимся в теорию трансформации, является то, что так называемые трансформационные нормы относятся как к международным договорам, предназначенным для регулирования международных частноправовых отношений, так и к договорам, направленным на регулирование исключительно межгосударственных отношений между участвующими в них сторонами. И те и другие лежат в сфере международного права. Нормы этих договоров в силу своей системной принадлежности не могут быть нормами национального права.

Вполне последовательным будет вывод о том, что международный договор, содержащий унифицированные нормы, предназначенные для регулирования международных частноправовых отношений, не может быть источником для национального законодательства, но является таковым по отношению к нормам международного частного права.

Международный договор и национальное законодательство являются источниками международного частного права. А это значит, что международное частное право не является однородным комплексом норм, отраслью или системой права. Оно скорее представляет собой полисистемный комплекс, состоящий из норм различной системной принадлежности, объединенных общей целью, — регулирование частноправовых отношений, возникающих в международной жизни²⁵.

В связи с этим, слово “международное” в составе термина “международное частное право” занимает место вполне обоснованно и может рассматривать не только как своего рода призыв к международной унификации права, о чем писал Нольде Б. Э. в “Очерке международного частного права”²⁶. Он также указывает на то, что международное частное право в определенной своей части является действительно международным.

Унификация коллизионных и материальных норм международного частного права осуществляется двумя методами, обусловленными нормативным составом МЧП. Поскольку МЧП включает в себя нормы международного договора и нормы внутреннего законодательства, унификация осуществляется в двух основных формах — международной и национальной. К первой форме относится международный договор. Ко второй — модельный закон²⁷. Согласовав модельный закон, прилагаемый к международному соглашению, государства-участники принимают на себя обязательства по принятию внутреннего законодательного акта, аналогичного разработанной модели. Нормы модельных законов воспринимаются законодательствами государств-участников, иными

словами, происходит инкорпорация. Такая унификация содержит в себе определенную опасность того, что при инкорпорации национальной законодатель может изменить некоторые согласованные положения модельного закона, или исключить их применение для внутригосударственного регулирования. Возможные негативные последствия этого для унификационного процесса отчасти нейтрализуются тем, что государства заранее определяют в международном соглашении допустимые границы таких изменений или отступлений от согласованных текстов. Поэтому цели унификации, в этих случаях, в основном достигаются. Метод модельного закона использовался, в частности, ЮНСИТРАЛ, когда был подготовлен проект модельного закона по международному коммерческому арбитражу, принятому впоследствии многими странами. Кроме того, модельный закон разрабатывается для регулирования исключительно международных коммерческих отношений и поэтому, можно предполагать, что инкорпорация таких норм будет происходить без каких-либо конфликтов с нормами действующего внутреннего законодательства, что увеличивает вероятность инкорпорации норм модельного закона в той форме, в которой они были разработаны.

Здесь, однако, возникает еще одна проблема, связанная с различными интерпретацией и применением воспринятых национальными законодательствами норм модельных законов, которые осуществляются в каждом государстве в рамках основных принципов его законодательства. Такая же проблема, о чем говорилось выше, характерна и для унификации права в международной форме.

Поскольку единообразная практика применения унифицированных норм является не менее важной, для одоления этой проблемы международное сообщество стало создавать единообразную интерпретацию таких норм. И начиная с Конвенции “Об исковой давности в международной купле—продаже товаров” 1974 года в международные унификационные соглашения, стали включать параграфы, разработанные для обеспечения единообразной интерпретации их применения²⁸.

Выше говорилось о гармонизации международного частного права путем унификации. Понятие “гармонизация права” соотносится с понятием “унификации права” как целое и часть. Гармонизация представляет собой процесс, посредством которого достигается согласованность в правовом регулировании гражданско-правовых отношений с иностранным элементом законодательствами различных государств. Гармония в общепринятом, широком смысле слова (от греческого слова “harmonia” — связь, стройность, соразмерность) есть “соразмерность частей, слияние различных компонентов объекта в единое гармоничное целое”²⁹. В ходе международной гармонизации международного частного права сглаживаются, или устраняются совсем противоречия и различия в содержании норм права, применяемых государствами для регулирования частноправовых отношений, возникающих в международной жизни.

Достижению цели гармонизации МЧП по единообразному и согласованному регулированию гражданско-правовых отношений осложнен-

ных иностранным элементом также способствует такая процедура, как “сближение”, являющаяся второй составляющей гармонизации.

Сближение обеспечивает сглаживание или полное устранение различий в содержании нормативного состава международного частного права различных государств в той части, в которой он является национальным. Это происходит тогда, когда законодатель в одном государстве создает нормы, аналогичные создаваемым или применяемым в другом государстве или группе государств. Результатом этого процесса должна стать, как это называл Франц Кан, “гармония законов”, т. е. единообразие правовых норм всех стран.

Чтобы достичь этого, законодатель при создании норм международного частного права должен учитывать интересы общества, которое “не является обществом его собственных сограждан, а также не обществом различных государств и наций, но обществом всех личностей — человечеством”³⁰. Разумеется, что такие интересы могут пониматься законодателями различных стран по-разному. Тем не менее, считает М. Вольф, что если государственные нормотворцы будут отталкиваться от того, что устанавливаемые ими нормы должны были бы вводить и законодатели других государств, исходя из принципа справедливого международного общения, то “гармония законов” в большей или меньшей степени может быть вполне достижимой. Для определения интересов человечества в этом смысле, законодатель может использовать, и использует изучение и анализ судебной и арбитражной практики как своего государства так и других государств, международной контрактной практики, а также, путем компаративистических исследований законодательства других государств, “сравнительно-правовых исследований и взаимных консультаций”³¹. Необходимо заметить, что эта же техника используется и при международной унификации права. Кроме того, сближение национальных законодательств достигается “и путем согласования их с международно-правовыми актами”³².

Какой же путь гармонизации предпочтительнее — унификация или сближение? У каждого из них есть как свои плюсы, так и недостатки. Например, при унификации возникает масса неудобств, связанных с (а) возможностью установления несовершенного правового регулирования в силу компромиссного характера единообразных норм (допускаются оговорки, многие нормы носят факультативный характер и проч.), и с тем, что (б) процесс заключения международных соглашений, внесения в них изменений и дополнений очень сложен и растянут по времени, что делает единообразные нормы менее гибкими к меняющимся экономическим условиям и др.³³ Кроме того, Петросян Р. А. в своей работе “Проблемы международной унификации национальных правовых норм, регулирующих экономическое сотрудничество между хозяйственными организациями стран-членов СЭВ” отмечает, что в некоторых случаях сближение может быть более приемлемым по сравнению с созданием специальных единообразных норм в узких областях сотрудничества. В тоже время, гармонизация посредством сближения является глубоко национальной процедурой. Законодатели государств отдают предпочтение в основном национальным правовым формулировкам и

понятиям. Процедура сближения осуществляется в каждой стране в соответствии с внутренним законодательством. И, самое главное, сближение не решает коллизионных проблем между правовыми нормами различных государств, что особенно важно при регулировании внешнеэкономического сотрудничества между государствами, предприятиями и гражданами. В этом смысле наиболее эффективным и надлежащим правовым обеспечением, в частности, развития внешнеэкономического сотрудничества является унификация. К таким выводам, подтвержденным серьезными исследованиями практики, приходят многие юристы-правоведы³⁴. Единообразные нормы права и единообразное толкование таких норм, согласованные договаривающимися государствами, полностью обеспечивают надлежащее единообразное, а, следовательно, и бесконфликтное, регулирование гражданско-правовых отношений, возникающих в международной жизни. Совершенно очевидно, что расширение круга участников международных унификационных соглашений является действенным и наиболее желательным средством решения задач унификации права. И хотя существует достаточно количество сложнейших препятствий на пути глобальной всеобщей унификации права³⁵, в том числе рассмотренных выше, стремление к универсализму должно стать основной направляющей процесса унификации, конечной идеальной целью процесса.

Для успешного продвижения по этому пути участники унификационного процесса должны иметь определенную опору, базовые исходные ценности, что служило бы им безотказным индикатором правильности выбранного направления и обеспечивало бы успех. В этом смысле опыт ЮНСИТРАЛ, думается, может быть бесценным. С самого начала своей деятельности и по сей день ЮНСИТРАЛ руководствуется основными четырьмя целями: ясность, гибкость, модернизация и справедливость.

“Clarity or, in other words, predictability”³⁶, короче говоря, заключается в четких, понятных формулировках правовых норм, не содержащих дополнительной информации, излишне перегружающей их.

Вторая цель — гибкость, призвана обеспечить создание универсального международного права, являющегося достаточно гибким для управления различными и меняющимися обстоятельствами. Применимость к различным ситуациям достигается путем создания норм права, обладающих различной степенью широты единообразия. Заключение международных договоров позволяет достичь максимального единообразия. В тех случаях, когда стоит задача усовершенствования местного правового регулирования, подготавливаются модельные законы. Кроме этого, ЮНСИТРАЛ подготавливает стандартные нормы и положения, которые становятся работающими после включения их участниками внешнеэкономических связей в свои контракты.

Необходимо заметить, что унификация базируется в значительной степени на существующих законодательствах, которые зачастую были созданы более полутора столетий назад, а некоторые насчитывают почти вековую давность, о чем свидетельствует, в частности, известный аме-

риканский профессор Джон Хоннолд — активный участник работы ЮНСИТРАЛ с 1969 года. Большинство этих норм создавалось для внутригосударственного правового регулирования, поэтому они не могут быть пригодными для опосредования современных внешнеэкономических отношений. Поэтому модернизация имеет большое значение, а создание единообразных норм права должно базироваться на текущем международном опыте.

Так же, как и три предыдущих принципа, справедливость с самого начала деятельности ЮНСИТРАЛ была и остается в настоящее время основной целью, ценностью, к достижению которой организация стремится при осуществлении унификационной деятельности. Справедливость подразумевает честные взаимовыгодные коммерческие взаимоотношения между контрагентами, сбалансированность их интересов. Разрабатываемое единообразное право должно гарантировать равенство сторон международных контрактов и одинаковую защищенность их интересов. К этому должны стремиться все разработчики единообразных норм права. Например, в формировании международных правил по ответственности морских перевозчиков за транспортируемый груз доминировали морские перевозчики. Благодаря усилиям ЮНСИТРАЛ была разработана и принята в 1978 году на дипломатической конференции Конвенция ООН по перевозке грузов морем, в которой был достигнут справедливый баланс между интересами владельцев грузов и морских перевозчиков.

Следование в работе этим основным принципам ЮНСИТРАЛ, как можно видеть из практики организации, может оказать существенную помощь и другим разработчикам единообразных норм в создании современного, справедливого и максимально эффективного международного частного права.

---

¹ *Ф. Лист. Международное частное право в систематическом изложении. См. Нольде Б. Э. Очерк Международного частного права. Юрьев. 1912 г.*

² *Луиц Л. А. Международное частное право. Общая часть. М., 1973 г., стр. 24.*

³ Например, *Мюллерсон Р. А.*, см. *Международное право и международное частное право: соотношение и взаимодействие. Советский ежегодник международного права, 1985 г. М., 1986 г.*

⁴ В данном случае имеются в виду модельные законы.

⁵ *И. Г. Швыдак. Международная унификация коллизионных норм в семейном и наследственном праве. Советский ежегодник международного права 1987 М. 1987., стр. 249.*

⁶ На это указывал, в частности, *В. И. Кисиль. См. Сближение и унификация коллизионных норм стран-членов СЭВ: проблемы, методы, перспективы. Советский ежегодник международного права 1984. (прим. автора).*

⁷ *См. Словарь иностранных слов. — М., 1996 г., под ред. Лехина И. В. и проф. Петрова Ф. Н.*

⁸ *См. Луиц Л. А., Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973.*

⁹ *Иванов Г. Г., Маковский А. П., Международное частное морское право. Л., 1984 г., стр. 35.*

¹⁰ См. *Пунжин М.* Цель в процессе создания норм международного права. Советский ежегодник международного права 1986., стр. 291.

¹¹ *Вольф М.* Международное частное право. М., 1948 г., стр. 64.

¹² *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М., 1988 г., стр. 47.

¹³ Цит. по *Кисиль В. И.* Сближение и унификации коллизионных норм стран-членов СЭВ: проблемы, методы и перспективы. Советский ежегодник международного права, 1984 год, стр. 274.

¹⁴ *Усенко Е. Т.* Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права. Советское государство и право № 10. 1983 г., стр. 46.

¹⁵ Проф. *Виллем Вис*, в частности, отметил, что исходя из собственного опыта работы в ЮНСИТРАЛ, он не нашел что различия подходов в civil law и в common law создают проблемы для выработки правовых текстов. См. Uniform Commercial law in the twenty-first century. Proceedings of the Congress of the United Nations Commission on International Trade Law, New York, 1822 May 1992. New York 1995, p. 14.

¹⁶ См. *Бардина М. П.* Унификационные акты СЭВ в области регулирования внешней торговли. Советский ежегодник международного права 1987 г., стр. 237.

¹⁷ См. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1982.

¹⁸ Цит. По *Усенко Е. Т.* "Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права". Советский ежегодник международного права 1977. М., 1979.

¹⁹ См. *Кузнецов М. Н.* Некоторые особенности развития международного частного права. Советский журнал международного права, № 1. 1991 г.

²⁰ *Усенко Е. Т.* Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права. Советское государство и право № 10. 1983 г.

²¹ См. Словарь иностранных слов. — М., 1996 г., под ред. Лехина И. В. и проф. Петрова Ф. Н.

²² *Кузнецов М. Н.* Некоторые особенности развития международного частного права. Советский журнал международного права, № 1. 1991 г.

²³ См. п. 3 ст. 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" № 101-ФЗ от 15.07.95. Информационно-справочная правовая система Консультант Плюс. База данных Консультант Плюс: Версия Проф. 1999 г.

²⁴ См. ст. 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" № 101-ФЗ от 15.07.95. Там же.

²⁵ К такому же выводу пришел Мюллерсон Р. А. в своей работе "Международное право и Международное частное право: соотношение и взаимодействие". См. Советский ежегодник международного права 1985 г. М., 1986 г.

²⁶ *Ф. Лист.* Международное право. См. *Нольде Б. Э.* Очерк Международного частного права. Там же.

²⁷ Указанные методы унификации выделяются многими исследователями, например, Коровиной О. П., Лебедевым С. Н.

²⁸ См. *S. Lebedev.* Uniform Commercial law in the twenty-first century. Proceeding of the Congress of the United Nations Commission on International Trade Law, New York, 1822 May 1992. New York 1995, p. 32.

²⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1982 г., стр. 280.

³⁰ *Вольф М.* Международное частное право. М., 1948 г., стр. 31.

³¹ *Грингольц И. А.* О задачах совершенствования правового механизма социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. М. 1972, № 1, с. 20.

³² *Тихомиров Ю. А.* Национальные законодательства и международное право: параллели и сближения. Московский журнал международного права. № 3, 1993 г., стр. 85.

³³ Например, см. *Коровина О. П.* Методы унификации норм в международном частном праве. М. 1988.

³⁴ Например, см. *Смирнов И. А.* Общеввропейский дом и европейское правовое пространство. Московский журнал международного права. 1992, № 3; *Бардина М. П.* Унификационные акты СЭВ в области регулирования внешней торговли. Советский ежегодник международного права. 1987.

³⁵ Как справедливо заметил в связи с этим М. Вольф, — создание “синтетического мирового кодекса — юридического эсперанто — должно сегодня казаться недостижимой целью”. См. М. Вольф. Международное частное право. М. 1948, стр. 64.

³⁶ “Ясность или, другими словами, предсказуемость” (перевод авт.) John O. Honnold. Uniform Commercial law in the twenty-first century. Proceedings of the Congress of the United Nations Commission on International Trade Law, New York, 1822 May 1992. New York 1995, p. 11.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

В ЧЕЧНЕ ПЫТАЮТСЯ РАСШИРИТЬ СОСТАВ ЗАРУБЕЖНЫХ НАЕМНИКОВ

По сообщениям “Российской газеты” (23 мая 2000 года) и ИТАР-ТАСС в США специально организован лагерь для военной подготовки наемников, которые будут перебрасываться в Чечню. Они вербуются в разных странах, в том числе и в Великобритании среди ее граждан. Вербовка проходит как через Интернет, так и через близких к афганским талибам лидеров фундаменталистов, находящихся на Британских островах. Кандидаты проходят собеседование и, в случае пригодности, направляются на военные сборы за океан, а оттуда через Закавказье — в Чечню.

Можно ли после этого утверждать, что “зачистка” в Чечне закончится скоро?